

У соборного попа ростовского был молодой сын, удалый добрый молодец, Алёша.

Научился Алёша на коне ездить, научился мечом владеть и приходит к милому родителю просить благословения на путь-дорогу: хочет Алёша поехать к морю, пострелять гусей-лебедей, малых серых утушек, поискать богатырских подвигов.

Отпустил отец Алёшу в путь-дорогу; вывел Алёша из конюшни своего доброго коня, оседлал его, приговаривает:

— Не оставь меня, добрый конь, в чистом поле серым волкам на растерзанье, чёрным воронам на расхищенье.

Надел на себя Алёша богатырские доспехи, взял с собой доброго молодца, Екима Ивановича, своего названного брата, и выехал в поле; едут богатыри рядом: нога в ногу, стремя у стремени, плечо о плечо, едут с утра до вечера, нигде не мешкают, у рек перевоза не спрашивают; доехали до распутья трёх дорог; лежит посередине белый камень, а на нём вырезана какая-то надпись.

Говорит Алёша Екиму:

— Ты, братец, человек умный, грамоте разумеешь; прочти-ка, что на камне написано. Читает Еким Иванович, что одна дорога ведёт в Муром, а другая в Чернигов, третья прямо к городу Киеву.

— Куда поедем? — спрашивает Еким Алёшу.

— Поедем прямо в стольный Киев, к ласковому князю Владимиру. Повернули они коней на дорожку прямоезжую, доехали до Сафать-реки, раскинули на лугу полотняный шатер, легли богатыри

отдохнуть.

Прошла длинная ночь осенняя; встал Алёша рано, росой умылся, Богу помолился. Хотели уже богатыри пуститься в путь-дорогу, да тут подходит к ним калика перехожий, нарядный: разодеет в шубу соболью, лапотки у него семи шелков, серебром, золотом расшиты, в руках палица весом в пятьдесят пудов, заморским свинцом налита.

Говорит калика богатырям:

— Добрые молодцы! Видел я сегодня Тугарина Змеевича, чудовище страшное: ростом он в три сажени, от плеча до другого косая сажень, между глаз стрела калёная уляжется; конь под ним, словно лютый зверь: из ушей дым валит, из ноздрей пламя пышет.

Захотелось Алёше побороться со змеем, просит он калику, чтобы уступил ему ненадолго своё платье каличье, надел пока его богатырское.

Поменялись они одеждой; пошёл Алёша за Сафать-реку. Как увидел его Тугарин — закричал ему громким голосом, так что всколыхнулась мать-земля сырая:

— Гей, калика перехожий, не видал ли ты молодого Алёшу Поповича: я бы его копьём заколол, огнём спалил! Стоит Алёша еле жив со страху, однако говорит змею:

— Не слышу, что говоришь ты, Тугарин Змеевич; подъезжай сюда поближе, скажи погромче.

Поверил ему Тугарин, подъехал к нему вплотную. Как кинет ему в лоб Алёша палицу свою тяжёлую в пятьдесят пудов — расшиб Тугарину голову; упал змей навзничь. Снял Алёша с Тугарина цветное платье, ценой во сто тысяч, и на себя надел, сел на змеева коня и поехал назад.

Увидали его Еким Иванович с каликою, испугались, подумали, что сам Тугарин гонится за ними, побежали к городу Ростову. Алёша за ними, кричит:

— Пойдите, братцы! Куда! Никто его и не слушает. Еким Иванович, со страху не оглядываясь, запустил в Алёшу свою палицу в тридцать пудов весом. Попала палица прямо в грудь молодецкую, упал Алёша на землю. Видит Еким, что враг его свалился с коня, вернулся, выхватил свой кинжал булатный, хочет рубить Алёше грудь белую, да увидел на нём золотой крест — остановился, заплакал горько.

— Наказал меня Бог; убил я своего братца названного! Стал Еким с каликой приводить Алёшу в себя; влили ему вина в рот, водой его холодной sprыснули; встал наконец Алёша, шатается, словно хмельной.

Переменился потом Алёша с каликой одеждой, надел своё богатырское платье, а Тугариново в сундук спрятал, и поехали они с Екимом Ивановичем в Киев.

Прибыли они на княжий двор, слезли с коней; пошёл Алёша в гридню княжескую; входит — крестом себя осеняет, кланяется на все четыре стороны.

Спросил князь Алёшу об имени, отчестве, посадил его на лучшее место, ласковым словом приветствовал. Только сел Алёша за стол, видит — отворяются двери гридни, и двенадцать сильных богатырей вносят на пир Тугарина Змеевича: лежит Тугарин на золотой доске, проносят его на лучшее место между князем и княгиней.

Как начали разносить кушанья сахарные, видит Алёша, что Тугарин по целой ковриге хлеба глотает, чашей мёду, величиной с ведро, каждое кушанье запивает.

— Что за невежа, мужик неотёсанный, к тебе, князь Солнышко, на пир попал? — спрашивает Алёша Владимира. — Была у моего батюшки старая собака, жадная на еду; однажды стащила она большую кость да и подавилась! То же будет и с Тугарином.

Почернел Тугарин со злости, однако промолчал на первый раз; Алёша просветлел, словно светлый месяц. Принесли на стол белую лебедь; взял Тугарин лебедь с блюда, всю зараз проглотил. Говорит Алёша:

— Ласковый князь, где это видано, чтоб кто-нибудь по целой лебеди зараз проглатывал! Была у моего батюшки старая корова; забрела она раз к подворотне, целый чан браги выпила да и лопнула. То же будет и с Тугарином.

Не вытерпел тут Тугарин, схватил свой кинжал, пустил в Алёшу; увернулся Алёша, а брат его Еким Иванович перехватил кинжал, спрашивает брата:

— Сам ли ты, Алёша, в Тугарина кинжал бросишь или мне велишь?

Отвечает Алёша:

— Ни сам не брошу, ни тебе не велю: переведаюсь я завтра с Тугарином в чистом поле один на один; на заклад ставлю свою буйную голову.

Стали все гости князя за Тугарина заклад ставить; ставят бояре по сто рублей, а купцы богатые по пятидесяти, а мужики деревенские по три копейки; все уверены, что несдобровать Алёше. Один владыка Черниговский поручился за Алёшу Поповича.

Взмахнул Тугарин своими бумажными крыльями, вылетел из грядни княжеской.

Всю ночь перед боем Алёша молился Богу: «Пошли, Господи, тучу чёрную с дождём да с градом, чтобы размокли у змея бумажные крылья». Дошли Алёшины молитвы до Спаса Пречистого: полил дождь с градом, размочил Тугарину бумажные крылья; упал злодей на сырую землю. Поехал тогда Алёша Тугарину навстречу — биться с ним смертным боем; кричит Тугарин Алёше:

— Вот я тебя огнём спалю, а не то конём затопчу или копьём заколю; выбирай, что тебе больше нравится! Говорит Алёша:

— Нехорошо ты, Тугарин, поступаешь! Хотел биться со мной один на один, а сам ведёшь за собой грозную силу. Удивился Тугарин речам Алёши, обернулся назад посмотреть, какая такая сила идёт за ним, а Алёше только того и надо. Подскочил Алёша к Тугарину, срубил ему буйную голову, упала голова змеева на сырую землю, как пивной котёл. Поднял её Алёша, привязал к седлу, привёз в Киев на княжий двор да тут и бросил.

Обрадовался Владимир-князь:

— Велика твоя служба, славный богатырь: свет ты мне дал увидеть, как избавил меня от Тугарина! Оставайся в Киеве, служи мне верой-правдою; я тебя щедро награжу своими милостями! Остался Алёша в Киеве, служил князю верой-правдой не один десяток лет, перебил не одну сотню врагов княжеских.